

Анна Матвеева

Анна Матвеева

ЛОЛОТТА

И ДРУГИЕ ПАРИЖСКИЕ ИСТОРИИ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М33

Художественное оформление *Ирины Сальниковой*

*В оформлении переплёта использован фрагмент картины
А. Модильяни «Лолотта, или Женщина в ожерелье» (1916 г.)*

Матвеева, Анна Александровна.

М33 Лолотта и другие парижские истории : [рассказы, повести] / Анна Матвеева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 443, [5] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-096991-3

Анна Матвеева — прозаик, автор романов «Перевал Дятлова, или Тайна девяти», «Завидное чувство Веры Стениной», сборников рассказов «Девять девяностых», «Подожди, я умру — и приду». Финалист премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», лауреат премии Lo Stellato за лучший рассказ года.

Новый сборник прозы Анны Матвеевой «Лолотта» уводит нас в Париж. Вернее, в путешествие из Парижа в Париж: из западноевропейской столицы в село Париж Челябинской области, или в жилой комплекс имени знаменитого города, или в кафе всё с тем же названием. В книге вы встретите множество персонажей: Амедео Модильяни, одинокого отставного начальника, вора, учительницу французского, литературного редактора, разочаровавшегося во всем, кроме родного языка... У каждого героя «Лолотты» свой Париж: тот, о котором они мечтали, но чаще тот, которого заслуживают.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096991-3

© Матвеева А.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Красный директор

рассказ в четырёх стихиях

Воздух

Бывший директор завода Павел Петрович Романов летел в Париж на свадьбу своей старшей дочери Александры.

Бывшими директорами — как и бывшими русскими — не становятся. Романов намеревался работать даже не до пенсии, а до смерти, но его вытурили с завода в семьдесят лет. Такой вот подарок к юбилею — вместе с приветственным «адресом», напольными часами и букетом цветов, глядя на который Павел Петрович подумал: лучше бы деньгами.

На заводе остались просторный кабинет, хорошая зарплата, трепет трудового коллектива и душа. Душа-то и терзала его теперь с утра до вечера, не соглашаясь ни на какие подмены — рыбалка, кроссворды, телевизор, садовые работы, ничего ей не хотелось, кроме как вернуться на завод и работать дальше. Силы-то в нём ходили ещё ого-го какие,

Анна Матвеева

да и завод, в этом смысле, не кончился. Павел Петрович просыпался в шесть утра, как привык за целую жизнь, — и что прикажете делать дальше?

Младшая дочь Анна считала, что ему нужно больше времени проводить с внуками — играть с Игнатом в шахматы и водить Настю на гимнастику. Романов был, в принципе, не против, но внуки утомляли его куда сильнее, чем самые нерадивые подчиненные. По сравнению с Игнатом и Настей даже вороватый снабженец Кудрявцев, с которым они бодались не на жизнь, а на смерть, выглядел ангелом — особенно спустя столько лет. Одно из первых пенсионных впечатлений Романова — теперь он скучал не только по друзьям и соратникам, но даже по тем, кого не выносил. У подлеца Кудрявцева имелись связи наверху, и скovyрнуть его с места было делом хлопотным. В конце концов, Романов, конечно, победил — он всегда побеждал — а теперь вдруг начал вспоминать Кудрявцева с тёплой улыбкой. Даже слезу однажды выпустил — капелька маленькая, как из шприца перед уколом.

А внуки... Ну что тут сказать — другое время, другие дети!

Дочери Павла Петровича, что Александра, что Анна, в детстве были послушными, скромными, учились прилежно. Хоть и поздние они были дети, и отец у них директор завода, а мать — главный бухгалтер, а деды — ветераны войны (Романов-старший — тот вообще Герой Советского Союза), но девочки были точно такие же, как все советские дети. Разве что в «Орлёнок» он их в детстве отправлял пару раз, но и всё на том. И без этого считалось, что детство у детей счастливое. Самому Павлу Пе-

тровичу такого не досталось — он родился за год до войны. Жили очень бедно: мать сварит пустой суп, и детям положено было есть его, пока в кастрюле дно не покажется. И хлеб чёрный — липкий, горьковатый, но всё равно очень вкусный. Павлу Петровичу этот хлеб всю жизнь снится — и каждый раз во сне горбушка такая махонькая!

Тут как раз пассажирам привезли обед, начали раздавать коробки — Романов попросил на горячее курицу. Хотел достать сыр из пластиковой упаковки — никак не получалось. То ли он с возрастом стал такой беспомощный, то ли народ разучился делать всё на совесть? Романов склонялся ко второму. Вот и покойная супруга Антонина Фёдоровна в последние годы жизни часто ворчала, что люди совсем стыд потеряли. Разве можно так работать, если за тобой тут же приходится вызывать мастера и всё переделывать? Это она про евроремонт. Все годы свои последние угрюхала на этот ремонт, а потом слегла — да так и не встала.

— Давайте я помогу, — девушка, которая сидела рядом, сжалась над Романовым, отобрала у него упаковку с сыром и в два счёта — чик-чик — вспорола её ноготками. Ногти выкрашены в разные цвета: два посредине красные, остальные — розовые. Анна точно такой же маникюр носила и, когда отец возмутился странной модой, объяснила:

— Это фэн-шуй, папа. Чтобы деньги водились.

Деньги у них в доме всегда были в нужном количестве — Антонина Фёдоровна вела семейную бухгалтерию так же чётко, как заводскую. Детство супруге досталось тоже не из лёгких — отец-военный не видел разницы между солдатами и собственными малолетними детьми. Антонина в дет-

Анна Матвеева

стве имела два платья — зимнее и летнее, которое по потребности использовали ещё и как нарядное. Платья донашивала за старшей сестрой — так же как банты, школьный портфель и мешок для сменки. Каждый вечер, как сделает уроки, помогала матери — то гречу перебирала, то яблоки для компота резала, то простыни подрубала. Обо всём этом супруга подробно рассказывала дочерям, чтобы ценили то, что имеют. И Павел Петрович, где надо, добавлял от себя подробности. А чаще, где не надо, как считала Антонина Фёдоровна.

Девочки росли послушные, но между собой не дружили, даже в раннем детстве. Александра восприняла рождение Анны как наказание — она думала, мама с папой были ею недовольны, вот и решили завести другую девочку. Что с ней им вроде как больше повезёт.

Сейчас-то Павел Петрович понимал, где они сделали ошибку, — но с той станции поезд давно уехал, да и саму станцию уже не разыщешь. Им бы тогда ласку проявить к старшей, объяснить ей: маленькая ни на что не покушается, родители не перестанут любить большую. Но что сам он, что супруга не приучены были вести с детьми задушевные разговоры — не принято было. Детей тогда вроде как серьёз никто не воспринимал, это сейчас все как с ума посходили. Только и слышно: детям нужно внимание, детьми нужно заниматься. А результат — обратный. Романов за долгие годы на руководящей должности привык держать ориентир на результат — итоги соцсоревнования, выход продукции и так далее. Психологические нюни были не для него, но теперь, на пенсии, ему пришлось столкнуться с ними лицом, как говорят, к лицу.

Павел Петрович жевал сыр, даже не подумав поблагодарить за помощь девушку с разноцветными ногтями — кивнул, да и хватит. Слово «спасибо» у директоров не в ходу. Съел курицу, подчистил соус ледяным кусочком хлеба — как из морозилки, честное слово!

Раньше-то он летал в бизнес-классе. Ещё в позапрошлом году.

Взял у стюардессочки чай с лимоном, размешал сахар пластмассовой ложкой.

Сегодня он увидит дочериного жениха, а завтра поведет Александру под венец. Если он у них будет там, конечно, этот венец.

Романов с трудом представлял себе, на что подходит французская свадьба. Вот у Анны было торжество — любо-дорого вспомнить! Конечно, они с матерью разорились, выкладывая денежки на лимузин, карету, артистов из Москвы, зато потом разглядывали фотографии — насмотреться не могли! (Даже забыли о плохой примете, что младшая первой замуж выскочила.)

Одно только портило снимки — жених.

Павел Петрович недолюбливал зятя Валерку и не понимал, почему Анна его выбрала — на вид пельмень недоваренный, характер склочный, да и зарабатывает меньше дочкиного. Вот и внуки, наверное, в него пошли, — ни в Игнате, ни тем более в Насте дед не видел ничего своего или хотя бы супругиного.

Игнат, вертлявый рыжий двоечник, целыми днями лупился в компьютерные игры, какие уж там шахматы! Только придёт из школы, бахнет ранцем (который теперь стали называть «рюкзаком») в коридоре — и тут же несётся к компьюте-

Анна Матвеева

ру. Павел Петрович, когда это при нём случалось, вмешивался. Запрещал приближаться к компьютеру, однажды выдернул проводки, а парень — в рёв:

— Ты что, дед, с ума сошёл? Я семь уровней прошёл!

Ну, Павел Петрович и не выдержал. Наподдал по заднице. Попробовал бы он в своём детстве так с дедом поговорить — а тот суровый мужик был, кузнец, — тут же получил бы по первое число, какой уж там седьмой уровень.

На вопли Игната прибежала Анна, в руках — плоский компьютер, как книжка. Планшет называется. И дочь, и зять бродят по дому с этими планшетами, фильмы смотрят. Анна объясняла: это чтобы время зря не тратить. Идёт Валерка по квартире, а у него в руках кто-то стреляет и матерится. А навстречу — Анна, у той другое кино — с нежностями и голой задницей во весь экран. Счастливый брак! Надо было им с матерью подумать, прежде чем кошелиться на богатую свадьбу...

Так вот, Игнат ревёт, задыхается. К матери бросается за справедливостью — как в суд! Анна рассердилась, аж вскраснелась вся:

— У тебя в подчинении столько людей было, а ты с пятиклассником справиться не можешь?

Сердце Романова грустно сжалось — дочь ткнула в него этими словами, как ножом. Он ведь действительно руководил огромным коллективом и с каждым умел найти общий язык. Нигде этому не учат — то есть сейчас-то и этому учат, и другому всякому (на днях Павел Петрович видел в городе рекламную растяжку с красными буквами: «Учим говорить “Нет!”»), но в его-то время никаких таких курсов для руководителей не было. Всё постигал на личном

опыте — ошибался, конечно, но в целом поступал верно. Никто бы на заводе не сказал, что Романов несправедлив как руководитель.

А тут, смотрите, попало! Хотя если призадуматься: что такого? Отец Павла тоже лупил в своё время — не часто, за дело. Так ведь он-то на отца такую варежку не разевал.

В общем, с Игнатом у них не особенно ладилось — только перед праздниками парнишка добрел, выключившая подарки. Всё какие-то игры с жестокостями ему подавай да телефоны дорожные. Однажды Павел Петрович купил к Новому году настольный хоккей, но его, кажется, даже и не распаковали, хотя с того Нового года ещё три набегало. Так и валяется коробка где-то на балконе.

Внучка Настя тоже не слишком льнула к деду — её с малолетства таскали по конкурсам красоты для девочек, вот она и вела себя со всеми как взрослая женщина. Романова оторопь брала, когда Анна хвалилась Настиними фотографиями: — семилетний ребёнок размалёван, как шалава подзаборная! Бальное платье, прозрачные перчатки, на голове — корона, с ушей длинные серьги свисают... И взгляд, главное, такой недетский — расчётливый, как у потаскухи. И поза — руки в боки, бедра вперёд. Тьфу, смотреть тошно!

Анна обижалась:

— Ты, папа, совсем отстал от времени. Разве плохо, что девочка с детства будет уметь следить за собой, что не будет распустьхой, как...

Споткнулась.

— Как мать? — спросил Романов. Сердце в груди тяжело заворчалось, как будто искало выход из грудной клетки.

Анна Матвеева

— Я не то хотела сказать, — начала оправдываться Анна. — Но мама ведь правда не уделяла особого внимания моей внешности. Я даже косы заплетать не умела — мне учительница в школе показала и корзиночку, и кральки...

— Сама ты кралька! Она вам жизнь подарила, а ты такие слова говоришь, бесстыжая!

Крепко они в тот раз поругались, но уже через день дочь позвонила — извинялась, плакала. В том же разговоре попросила денег на поездку в Турцию: Настя прошла в какой-то финал детского конкурса красоты, но дорога была за свой счёт, а у Анны — долги, кредиты, Валерка, которого со всех работ гнали, как таракана...

Романов оплатил поездку, но корону Насте выиграть не удалось. Было большое расстройство, Анна говорила, что это всё козни организаторов — какая-то пробивная мамашка занесла деньги.

Павел Петрович только раз дал себя заманить на один такой конкурс — во Дворце молодёжи. У них были места в первом ряду, и Анна шёпотом на ухо попросила отца говорить тише — рядом с ними сидели главные враги счастливого Настинного детства, родители Лизы Симоновой. Эта Лиза в итоге и получила корону победительницы — со сцены отправляла воздушные поцелуи в зал не хуже, чем Лайма Вайкуле. Настя плакала во весь голос, Анна сжимала кулаки, а Романов вспотел от жалости к ним обеим, от своего бессилия помочь...

Мама Лизы Симоновой — высокая и толстая, похожая на динозавра из детской энциклопедии, — поминутно поправляла очки в розовой оправе, как будто они мешали ей хорошенько разглядеть лику-

ющую дочь. Отец — смуглый, примятый брюнет — громко аплодировал и кричал, как в заграничном фильме:

— Это моя дочь! Это моя дочь!

Больше Романов никогда не совершал такой ошибки — сколько ни звала его Анна, он каждый раз придумывал причину отказать. Даже на соревнования по гимнастике не ходил — больно было за Настю, которая вечно оказывалась даже не на вторых, а на десятых ролях.

Зря он это вспоминает... Врач из кардиоцентра когда ещё сказал: вы поменьше думайте о плохом, Павел Петрович. Жизнь — она ведь одинаково несчастная у всех. Радуйтесь моменту: улыбнулся вам ребёнок — уже хорошо. Птичка запела — ещё лучше. Солнышко выглянуло — совсем славно!

Но как-то не складывалось у него в последнее время с детскими улыбками, да и погода стояла мрачная, даром что апрель, да и вместо птичьего щебета за окнами в квартире звучал вороний грай.

Романов откинул спинку кресла (сзади недовольно ойкнули) и задремал. Проснулся, когда пилот объявил посадку: «Мы прибываем в аэропорт «Шарль-де-Голль» города Парижа!»

Земля

Романов редко путешествовал в одиночестве — да он и вообще редко путешествовал; чаще ездил в командировки или по обмену опытом. Санаториев не признавал, отправлял туда всё больше Антонину Фёдоровну — жаль, не помогли ей те сана-

Анна Матвеева

тории. Рано она ушла, и так тоскливо было без неё Павлу Петровичу, что обычными словами не объяснишь, а необычных он не знал. Тут ведь дело не в любви и не в сексе этом, о котором теперь столько разговоров по телевизору, — дело в том, что старые супруги после долгой совместной жизни как бы срастаются в одного человека. И когда одна часть этого человека умирает, вторая мучается не только от боли, но ещё и от пустоты, нехватки того, к чему успела привыкнуть.

Вот почему Романов позволил секретарше Люсе переехать к нему в квартиру. Единственный способ для осиротевшей половины не уйти следом за умершим супругом — начать срастаться с другим человеком. С Люсей у них был давний приятный роман: Романов не считал, что изменяет супруге, потому что Антонина Фёдоровна давно отменила интимные отношения — без слов объяснила, что считает себя для этого слишком старой. Было ей, к слову сказать, тогда под сорок — как теперь Александре.

Секретарша Люся пришла на завод совсем ещё молодой девушкой, между работой успела выйти замуж и развестись. Детей у неё не было, а вот проницательности — хоть ложкой ешь. Мужскую печаль в глазах директора она прочитала раньше всех — и тут же впустила его к себе в норку. Ни на что большее Люся не претендовала, Романов считал, что ей действительно хватает вечернего часа на диванчике и серёжек в день Восьмого марта.

О себе Люся говорила: я секретарь от Бога. Один её взгляд — и толпа посетителей отступает из приёмной. Ни разу за эти годы — а она проработала с Романовым почти двадцать лет — не забыла ни

об одном звонке, ни об одной встрече. Знала, кому улыбнуться, кого поставить на место, где сказать, где промолчать. Печатала, как из пулемёта, блузки носила белоснежные, причёсана не хуже Гурченко, туфельки на острых каблучках...

Продвигаясь в очереди на паспортный контроль, Романов с грустью вспоминал ту, прежнюю Люсю. Она исчезла, лишь только секретарша превратилась в директоршу — и переехала в просторную квартиру на улице Маршала Жукова. В квартире всё оставалось таким, как было при Антонине Фёдоровне, — мебель, постельное бельё, цветы на подоконниках... К цветам супруга относилась трепетно, переживала за каждую фиалку, как за близкого родственника. А как радовалась блёклым цветочкам! Ни один букет, которыми Антонина Фёдоровна не была обделена как при жизни, так и после смерти, не вызывал в ней такой нежности. Она и в юности, вспоминал теперь Романов, пыталась выращивать в их первом жилье — общежитской комнате — какие-то традесканции, что ли? Прикальвала вьющиеся ветки к обоям швейными булавками, что-то без конца рыхлила, пересаживала, поливала...

— Я так понимаю, этот огород вам без нужды? — спросила Люся чуть ли не в первый вечер, как перебралась к Романову. Она по-прежнему была с ним на «вы» и по имени-отчеству. — Давайте я отдам цветы соседке с первого этажа, мы с ней уже познакомились.

Романов привык к зелёным зарослям на подоконниках — в последние годы с ними неплохо управлялась домработница. Даже фиалки иногда покрывались бледными цветочками, и тот стран-